

<https://doi.org/10.3176/hum.soc.sci.1980.1.08>

А. А. БЫКОВ

ЗАГАДОЧНЫЕ МОНЕТЫ ДЕВИЦКОГО КЛАДА

(Из записок старого нумизмата)

Представил В. Мамяги

Зима 1939/40 г. в Отделении Восточных монет Государственного Эрмитажа проходила в напряженной работе, несмотря на военное время и связанное с ним затемнение. Подготавливая монеты Средней Азии с III до конца XIX в. для большой выставки в залах Отдела Востока, приходилось засиживаться в Отделе Нумизматики до позднего вечера.

Были и другие текущие дела. Среди них определение большого клада куфических дирхемов, найденного летом 1939 г. Он был обнаружен в Коротоякском районе Воронежской области, поблизости от села Девица, находившегося на реке того же названия, в местности, носившей романтическое название «урочище цыганок».

К тому времени, работая в Отделе Нумизматики с 1924 г., я пересмотрел не одну тысячу куфических монет Восточного халифата и государств, возникавших на его территории с конца VIII в. Твердо помня имена правителей, названных на монетах в центральной легенде оборотной стороны, и их хронологию, я мог себе позволить для ускорения работы определять монеты только по данным лицевой стороны, на которой обозначены монетный двор и год выпуска.

Таким образом, довольно скоро удалось определить все 299 дирхемов и 24 обломка. Самыми поздними монетами клада оказались дирхемы аббасидского халифа ал-Му'тасима, чеканенные в городе ал-Мухаммадия в 223 г. хиджры* (837/38 г. н. э.). Захоронение клада можно было отнести, следовательно, к первой половине сороковых годов IX в. Именно это мое заключение больше всего интересовало сотрудников Воронежского музея. Они ждали его для мотивированной датировки обнаруженных вместе с монетами нескольких серебряных украшений от поясного набора и серебряного перстня с гладкой сердоликовой вставкой, оставшихся в музее.

Мою краткую заметку о кладе, размером около половины страницы, удалось напечатать в начале 1941 г. Кроме указанных выше данных, в ней сообщалось, что по своему составу клад довольно обычный для середины IX в. В качестве наиболее интересных монет я указал на экземпляры с изображением знака в виде «ветки» (табл. I, 1) на одной из сторон, которые, следуя определению Р. Р. Фасмера, назвал фальшивыми аббасидскими дирхемами. В середине 1920-х гг. Р. Р. Фасмер, работая над монетами эстонского клада, найденного в 1923 г. в Кохтла, встретил несколько дирхемов с изображением такого же знака, который

* Далее — г. х. (Примеч. ред.)

он считал схематическим изображением ветки («Zweig»). В надписях на этих монетах он обнаружил ряд грамматических и каллиграфических недочетов и на этом основании признал монеты «чеканенными на неофициальных монетных дворах», т. е. поддельными. Заметив такие же погрешности на экземплярах Девицкого клада с упомянутым знаком, я повторил в своей статье мнение Р. Р. Фасмера.

Тогда, в 1941 г., занятый более срочными работами, я отложил взвешивание и измерение монет Девицкого клада до более свободного времени и оставил их на большом лотке поверх конвертиков с их определениями.

Вся первая половина 1941 г. выдалась для меня исключительно загруженной. Текущие задания, научная работа и особенно подготовка к лекциям не читанного еще никем курса нумизматики Средней Азии с VI в. до н. э. отнимали все время. На другие дела его не оставалось совсем.

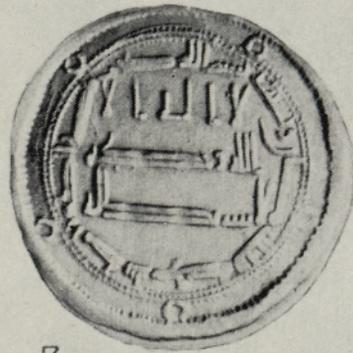
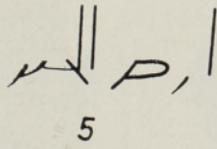
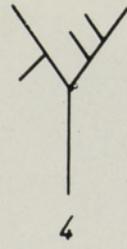
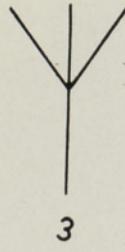
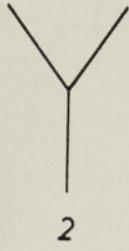
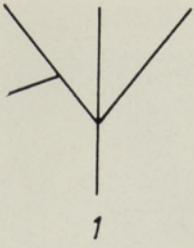
Изрядно уставши за год, я взял отпуск с 23-го июня. Но 22-го было объявлено о нападении фашистской Германии на Советский Союз, и в ту же ночь я был вызван в Отдел Нумизматики, который уже не покидал больше недели. Все это время во всех отделениях Отдела шла круглосуточная спешная упаковка ценнейших нумизматических сокровищ Эрмитажа, подлежащих эвакуации в первую очередь. 30-го июня, назначенный сопровождающим материалы Отдела, я получил разрешение вернуться домой за чемоданом и покинул город с первым эшелонам, отправившимся из Ленинграда 1-го июля.

О Девицком кладе в те дни некогда было даже вспомнить. Он остался в описанном состоянии и был эвакуирован с нумизматическими материалами второй очереди, укладка которых многократно прерывалась воздушными тревогами и велась в большой спешке. Монеты клада вместе с конвертиками, на которых они лежали, были высыпаны в коробку. В ней они находились всю войну и в ней же вернулись в Эрмитаж 11 октября 1945 г. вместе со всеми коллекциями музея.

Развертывание Отдела в новых, его теперешних помещениях в верхнем этаже Зимнего Дворца, восстановление нарушенной во время перевозок систематизации монет и ряд других трудоемких работ заняли многие послевоенные годы. Только в конце 1966 г. удалось снова заняться Девицким кладом.

Поводом к тому явилось письмо Анны Николаевны Москаленко, сотрудницы Воронежского музея, просившей сообщить более подробные данные о составе монет Девицкого клада, необходимые ей для работы. Я принужден был ответить, что во время эвакуации монеты клада потеряли свои определения, но обещал сейчас же приняться за восстановление систематизации клада.

Не подгоняемый теперь другими, ждавшими очереди делами, я мог спокойно приступить к обработке Девицкого клада. Заново определяя монеты, я прочитывал все надписи на обеих сторонах монет и скоро понял, что допустил в 1940 г. ошибку, которую совершали все мои предшественники, встречая подобные монеты. Все они относили их к чекану аббасидских халифов. Большое количество монет Девицкого клада, не только носивших изображение вышеуказанного знака в виде ветки, невозможно было признать аббасидскими из-за множества грубейших ошибок, обнаруженных мною теперь в надписях на обеих сторонах монет. Ошибки были не только в написании легенд, обнаруживающие малую грамотность мастеров — недостаток, в котором не приходится упрекать аббасидских резчиков штемпелей. Известны, правда, пропуски букв в некоторых числительных или в названии североафриканского города

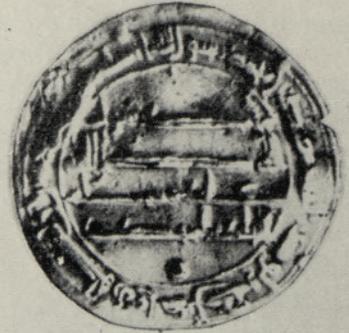
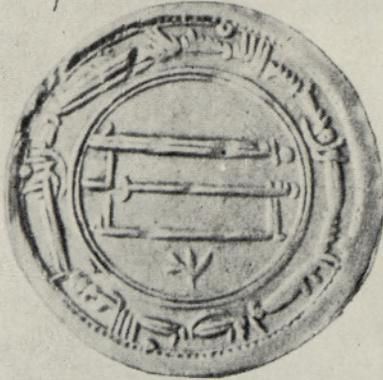

1

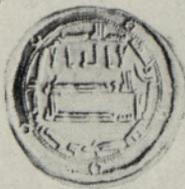
2

3

4

5

6

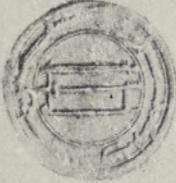
7

8

9

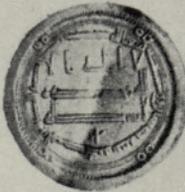
10

11

12

13

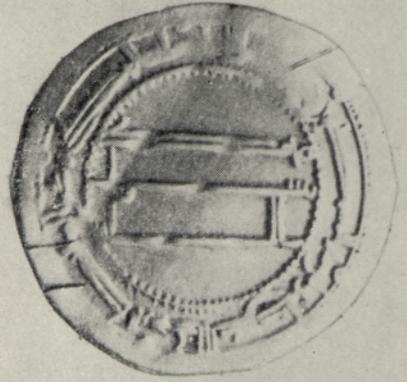
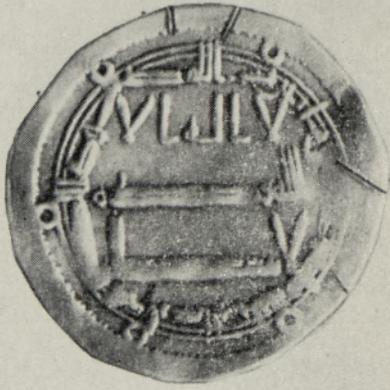

14

15

1

2

3

ал-Аббасия, монетный двор которого отличался небрежностью чеканки. Немыслимо, однако, допустить, чтобы с аббасидского монетного двора вышла монета с пропуском букв в имени правителя — «ал-Мади» вместо ал Махди или в названии города — «Сарканд» вместо Самарканд. Но в Девичьем кладе именно таких монет нашлось несколько. Иногда на монетах клада я встречал буквы и даже слова, изображенные в обратную сторону, говорящие о недостаточной опытности мастеров, точно забывавших, что на штемпеле все вырезывается так, как выглядит в зеркале.

Еще больше поражало несоответствие исторических данных, указанных на лицевой и на оборотной стороне очень многих девичьих дирхемов. На монетах халифата, которые могут быть названы образцом совершенства в монетном деле Ближнего Востока в Средние века, такие несоответствия очень редки. Объясняются они ошибочным использованием при чеканке старого штампа одной из сторон. В Девичьем же кладе подобные экземпляры составляли около четверти всех его монет. Наконец, совсем необъяснимыми казались монеты, содержащие исторические противоречия в легендах одной только лицевой стороны. Следующие примеры хорошо иллюстрируют сказанное.

На лицевой стороне монеты значится 103 г. х. (721/22) г. и монетный двор Мадина́т ас-салам — «город мира», как арабы называли Багдад. На обороте назван аббасидский халиф ал-Мамун, вступивший на престол в 198 г. х. (813) г. Но в 103 г. х. правил еще халиф Йазид II (720—724), представитель династии Умайядов (табл. I, 6), Багдад же основан в 145 г. х. (762/63) г. На другом экземпляре с отмеченными выше ошибками в словах ал-Махди и Самарканд указан 108 г. х. (726/27) г. Однако аббасидский халиф ал-Махди находился у власти с 775 по 785 г., а в 108 г. х. правил умайядский халиф Хишам (724—743). Нелепость совмещения на этих монетах обозначенных на них имен и дат очевидна (табл. I, 7).

Подобные ошибки и фантастические исторические данные оказались на 86 дирхемах Девичьего клада. Среди них 12 различных типов, причем 42 экземпляра со знаком в виде ветки (табл. II, 1). В 1940 г. последние, как уже сообщалось, вслед за Р. Р. Фасмером были названы мною фальшивыми монетами халифата. Захотелось теперь проверить это предположение.

На помощь пришла коллекция фальшивых восточных монет Эрмитажа. В ней нашелся дирхем с теми же выпускными данными, что на одной из странных монет Девичьего клада, — монетный двор Багдада («Мадина́т ас-салам»), 162 г. х. (778/79) г. Не было лишь знака в виде ветки на оборотной стороне. Зато все надписи на монете безупречно выполнены, и тип в точности соответствует багдадским дирхемам этого года. Поэтому вместе с подлинными монетами дирхем и попал на территорию нашей страны, но в земле монета подверглась неблагоприятным химическим реакциям, которые вскрыли ее истинную, «поддельную», сущность. Местами коррозия уничтожила тонкий слой поверхностного серебра, и медь, составляющая сердцевину монеты, проглядывает теперь черными пятнами с обеих сторон (табл. II, 2).

Понятно поэтому, что следующим этапом изучения клада была отправка монет всех двенадцати необычных типов в Ленинградскую инспекцию пробирного надзора. Акт от 14-го июля 1967 г. принес неожиданный ответ. Все монеты оказались сделанными из серебра высокой пробы — 916-й (3 экз.) и 960-й (9 экз.), почти не отличающейся от пробы подлинных аббасидских дирхемов, чеканенных до середины IX в. (проба 963—972). Не менее любопытные данные показал и вес монет, правда, очень разный в зависимости от толщины монетного кружка.

Отдельные экземпляры не уступали весу самых тяжелых аббасидских дирхемов. И снова встал вопрос: какие же это монеты и откуда они происходят?

Мелькнула мысль о подражаниях куфическим дирхемам, которые не без оснований относят к Восточной Европе, к территориям, в Средние века заселенным славянами и финно-угорскими племенами. Мысль мелькнула, но сейчас же отпала. Те монеты совершенно другие. Покрывающие их «надписи» состоят из бессмысленного чередования черточек и кружков, иногда прерываемых крестиком. Лишь изредка в них удается узнать какую-нибудь часть куфической монетной легенды. Недаром в прошлом называли их «варварскими» подражаниями, таким эпитетом подчеркивая их крайне плохой вид. Они часты в кладах X в., но редки в более ранних, особенно зарытых в начале IX в.

Решению вопроса немного помогло сличение штемпелей всех лицевых и всех оборотных сторон этих странных монет (табл. II, типы 3—6; табл. III, типы 7—15). Из 86-ти экземпляров 76 оказались чеканенными всего тремя парами штемпелей: тип 2 — 8 экз., тип 4 — 30 экз., тип 11 — 38 экз. Кроме того, лицевая сторона типа 6 сочетается с двумя разными оборотами (типа 6 и 7) (см. табл. II, III), а одинаковую оборотную сторону имеют типы 3 и 4; 5 и 13; 6 и 8, 9, 12; 7 и 14; 11 и 15 (см. табл. II, III). Удивительные итоги подсчета! Многочисленные клады куфических монет, подробно обследованные в Эрмитаже за последние шестьдесят пять лет, помогли установить, что находка аббасидского дирхема встречавшихся уже штемпелей величайшая редкость. Но в Девицком кладе среди необычных 86 монет такие экземпляры насчитываются десятками. Использование же некоторых штемпелей для разных типов монет указывает на небольшое и малоразвитое производство их, что тоже противоречит давно установленным представлениям о размерах аббасидского монетного дела.

Приведенные соображения окончательно убедили в том, что эти странные монеты невозможно признать ни подлинными, ни поддельными арабскими дирхемами. И совсем они не похожи на дирхемы-подражания. Однако обилие в кладе монет, вышедших из под одной пары штемпелей, указывает на близость монетного двора, их выпускавшего. Оставалось отнести странные монеты к территории, находящейся к северу от Кавказского хребта — границы мусульманского мира, и к югу и юго-востоку от славяно-финских земель, другими словами, к Хазарскому каганату. Таково логическое заключение. Но его предстояло еще доказать.

В 1825 г. А. С. Пушкин в «Песне о вещем Олеге» назвал хазар «неразумными». За прошедшие с тех пор полтора столетия мы многое узнали о хазарах, и выяснилось, что не такими уж неразумными были они. В исследованиях отечественных и зарубежных ученых с конца прошлого века много внимания уделено истории и культуре Хазарского каганата, его границам, этническому составу, занятиям и верованиям населения, социальному строю и экономике. Однако никто из историков и археологов ни слова не проронил о таком важном в экономическом отношении факторе, как денежное обращение. Даже в наше время приходилось встречать высказывания о низком культурном уровне хазар, якобы не дошедших до понимания монет как формы денег. Между тем, уже из работ Р. Р. Фасмера явствует, что на всей территории, которую контролировали хазары, многократно находили клады и отдельные экземпляры куфических монет. Клады эти такие же, как те, монеты которых с IX до начала XI в. служили денежным обращением для населения восточной, центральной и северной Европы. Нет никаких оснований полагать, что в Хазарии было иначе. Но имели ли хазары собственный чекан?

Некоторой поддержкой хазарскому происхождению необычных монет Девицкого клада являлась карта Хазарии, составленная советским хазароведом М. И. Артамоновым. Согласно этой карте место находки Девицкого клада оказывается в средней части северной окраины Хазарского каганата. Но хотелось более веских и существенных доказательств. Хотелось найти убедительные и неопровержимые доводы, тем более, что вопрос о хазарском чекане уже возникал. Незамеченный большой наукой он вызвал полемику, которая длилась четверть века, но так и не разрешила его.

Мысль о существовании хазарских монет впервые высказал в 1902 г. известный исследователь и собиратель восточных монет, австрийский полковник, военный атташе в Константинополе Э. фон Цамбаур. «Невероятно, — писал он, — чтобы хазары, этот хитрый торговый народ ... не имели собственного денежного обращения и монетных дворов, изготовлявших подражания куфическим дирхемам саманидского типа ... сбываемые потом несведущим славянским купцам». Против этого решительно возражал Р. Р. Фасмер. Не остался в стороне и шведский историк академик Т. И. Арне, который, подробно обсудив предложение Э. фон Цамбаура, признал возможность существования хазарского чекана, но, не найдя у Цамбаура убеждающих нумизматических доказательств, принужден был заключить, что «может быть ученые будущего докажут, что господин Э. фон Цамбаур прав». На этом спор о существовании хазарского чекана заглох в 1928 г.

Итак, теперь представлялся новый случай попытаться разрешить старую загадку.

На девицких необычных монетах не изученным мною оставался еще вышеуказанный знак в виде ветки (табл. I, 1), находящийся на лицевой или оборотной стороне всех типов, начиная с 11 по 15. Отказавшись от какого-либо предварительного суждения о нем, решил посмотреть, не найдется ли похожего начертания на вещах из раскопок хазарской крепости Саркел. Задачу облегчили статьи тюрколога А. М. Щербака, который дважды писал о знаках на 93 кирпичах и 515 фрагментах керамики, обнаруженных в Саркеле. Направление поиска оказалось верно избранным, и это позволило сделать интереснейшие выводы. Правда, точно такого же знака, как на монетах, среди воспроизведенных А. М. Щербаком не нашлось. Выяснилось однако, что упомянутый знак в виде ветки очень похож на тюркские рунические знаки, встречающиеся на саркелских кирпичах и обломках керамики (табл. I, 2, 3, 4). О них А. М. Щербак писал, что употребленные отдельно они служили для обозначения собственности, а некоторые до сих пор являются тамгами у тюркских народов. Особенно привлекли мое внимание следующие слова автора: «многочисленные денежные знаки (очевидно, тюркшей и монгольских династий. — А. Б.), при значительном сходстве их со знаками собственности, образуют совершенно своеобразное ответвление (фамильные знаки) и становятся монополией ... лиц, обладающих правом чекана». После этого высказывания А. М. Щербака стало ясно, что знак в виде ветки на загадочных монетах Девицкого клада не что иное как руноподобная хазарская тамга. А, следовательно, монеты, носящие этот знак, хазарские. Но в таком случае хазарскими следовало признать и все остальные необычные дирхемы Девицкого клада, так как независимо от наличия на них хазарской тамги все 86 монет обладают одинаковыми, только им присущими приметами. О них уже много сказано выше.

Припомнилось и заседание Секции Нумизматики и Глиптики Академии Истории Материальной Культуры в самом начале моего нумизмати-

ческого пути. На нем впервые довелось услышать о хазарах в связи с монетами. Р. Р. Фасмер на том заседании делал доклад о работе над эстонским кладом куфических монет, найденном в Кохтла-Ярве в 1923 г. Докладчик говорил о замечательном дирхеме клада, чеканенном, как ему удалось установить, штемпелями редчайшего экземпляра, встреченного академиком Х. Д. Френем в середине прошлого века. В названии места чеканки, обозначенном на монете двумя словами (табл. I, 5), Х. Д. Френ прочел только первое, как не вызвавшее никаких сомнений, — ард («земля»). Второе слово он оставил непрочитанным, ссылаясь на отсутствие обозначения гласных в арабском языке, а в куфическом шрифте также и точек над или под буквами, которые меняют их значение. Х. Д. Френ указал все же, что второе слово могло бы читаться как ал-хейр («сад», в частности название дворца в Самарре, городе на берегу реки Тигр). Сомнение основоположника восточной нумизматики в дальнейшем было понято как утверждение, а в самом слове допущено огрубление — легкое придыхательное «х» заменили гортанным «кх». Нелепость значения получившегося наименования — Ард ал-кхейр («земля добра») побудила Р. Р. Фасмера подобрать все возможные для данного начертания гласные и значения букв, а полученные чтения проверить по сочинениям арабских средневековых географов. Исследовав восемь найденных таким образом населенных пунктов, Р. Р. Фасмер убедился, что ни один не подходит для данного случая, и предложил совсем иное чтение — Ард ал-Хазар («земля хазар»). Присутствовавший на заседании академик В. В. Бартольд категорически отверг предложенное чтение, заметив, что на хазарской монете был бы назван Итиль, главный город Хазарии.

В окончательной редакции аннотации к описанию кохтлаского экземпляра Р. Р. Фасмер под влиянием замечания В. В. Бартольда признал дирхем аббасидским по примеру прежних исследователей. Не отказавшись от своего безусловно правильного чтения, он высказал предположение, что «землей хазар» могли называть какую-то местность в Северной Армении после арабского завоевания.

Теперь, помня все изложенное, захотелось, конечно, иметь собственное впечатление о спорном начертании. Палеографическое обоснование чтению Ард ал-Хазар, данное Р. Р. Фасмером в аннотации к описанию кохтлаского дирхема в книге, посвященной кладу, безусловно. Но плохое воспроизведение в ней монеты мешает что-либо разглядеть. И если далек был кохтлаский дирхем, хранящийся в Таллине в Институте истории АН ЭССР, то близко находился его двойник, над которым работал Х. Д. Френ. В составе бывшего собрания Азиатского Музея Российской Академии Наук, переданного в Эрмитаж в 1931 г., дирхем лежал в одном из двух шкафов этого собрания в кабинете Отделения Восточных монет. Достать монету было делом нескольких минут.

И вот настал волнующий момент. Дирхем на моем рабочем столе (табл. IV, 1). Все я нашел на нем, о чем писали мои учителя-предшественники. И 223 г. х., как его определяли Х. Д. Френ и Р. Р. Фасмер, и ясное первое слово ард («земля») в обозначении места чеканки, и второе слово ал-Хазар, блестяще найденное чтение Р. Р. Фасмера, сумевшего преодолеть давление авторитета «великого Френа». Нашел и то, о чем никто не упоминал. И ряд каллиграфических погрешностей в легендах, и пропуски букв, и устаревший для III десятилетия IX в. стиль почерка, и одну круговую легенду на лицевой стороне (вместо двух, как на халифских дирхемах того времени), и оборотную сторону, хронологически не соответствующую лицевой. Все признаки, характерные для странных монет Девицкого клада! Признаки, присущие и им, и ардаль-

хазарскому дирхему, доказывающие их общее хазарское происхождение!..

Но хазары — тюрки, язычники, принявшие потом закон Моисея. А язык монетных легенд арабский?

Последние сомнения сняли хроники арабских средневековых историков.

Хазары появились в Предкавказье около середины VII в., в то самое время, когда арабы, сражаясь с Византией и сасанидским Ираном, завоевывали Закавказье и старались закрепить за собой Дагестан и Дербентский проход. Здесь, за Дербентом, и произошли первые их военные встречи, в ходе которых арабы захватывали хазарские города, обращая в ислам население. Набеги арабов, начавшись во второй половине VII в., быстро переросли в войну, которая с переменным успехом и с перерывами продолжалась полтора столетия.

Средневековые арабские авторы сохранили нам много сведений о победах и поражениях обеих сторон, о населении и городах Хазарии.

Так, сообщается, что в 737 г. арабский полководец Марван ибн Мухаммад, захватив ряд хазарских городов и далеко зайдя в страну, пленил хазарского кагана и вынудил его принять ислам. Каган вскоре отказался от новой религии. Но многие из хазарской феодальной знати сами добровольно принимали ислам, находя его более подходящим для их образа жизни. По сведениям тех же источников, хазары побеждая доходили до города Ардабиля, расположенного в западной части современного Ирана. В качестве военных трофеев они уводили с собой женщин, детей и ремесленников, захватывали ценности и монеты, быстро найдя им надлежащее применение, о чем говорят и клады на бывшей территории Хазарии. По свидетельству ал-Истахри, ибн Русте и других арабских историков средневековья, в городах Хазарии, в частности в Итиле, жило много мусульман, а среди них торговцев и ремесленников. И были у них мечети и школы, базары и бани. Приверженцы ислама участвовали в хазарском судопроизводстве и пользовались почетом, состояли и в свите кагана.

Приведенные данные окончательно убедили в том, что в Хазарии существовала среда, в которой могла появиться мысль о создании собственного чекана. Существовали и влиятельные люди и ремесленники, в какой-то мере знающие арабский язык. Не было только знания истории и той выучки и преемственности, которыми сильны были халифские монетные мастера.

Еще три монеты Девицкого клада существенно дополнили историю создания хазарского чекана. Эти монеты — подражания, и именно такие, как их обычно понимают, с грубо выполненными и нечитаемыми или почти нечитаемыми легендами. Особенно интересна одна из них (табл. IV, 2). Вернее, крайний правый знак в верхней строке центральной легенды на лицевой стороне. Здесь должна быть лигатура двух арабских букв, такая же, как та, что находится на другом конце строки. Однако вместо нее мастер изобразил знак, который был ему более знаком, и этим выдал, что он хазарский, неопытный еще, монетчик. Совершенно такой же руноподобный знак находится на тулове керамического сосуда, обнаруженного при раскопках в Саркеле (табл. IV, 3). Монета дает основание полагать, что два других подражания, а может быть и все подражания в кладах начала IX в. являются первыми опытами хазарских монетных мастеров.

Таким образом, обозначились три последовательных этапа в развитии хазарского монетного дела. Оно началось с грубых, мало осмысленных подражаний монетам более культурных соседей — арабским дирхе-

мам (3 только что упомянутых экземпляра). Затем следовали более совершенные выпуски, наметившие основные черты хазарских монет (дирхемы 12 «своеобразных типов» из Девицкого клада, на которых появился первый местный признак — руноподобная тамга). К третьему этапу в развитии хазарского монетного типа относятся ардальхазарские дирхемы 223 г. х. (837—38) г., по всей видимости, с реальным обозначением места и времени выпуска, на что указывают данные типологии и стилистические особенности почерка легенд.

В настоящее время известны ардальхазарские дирхемы с той же датой, но несколько разных типов. На всех этих монетах по-прежнему присутствуют заимствования, соединение которых на одной монете хронологически совершенно неправдоподобно.

Отмеченные этапы хазарского монетного дела такие же, как в Согде в VII—VIII вв. и в Волжской Болгарии в X в., где чеканка монет началась с более или менее грубого и бездумного воспроизведения чужеземных образцов. Через постепенное внедрение местных элементов и вытеснение заимствованных оно доходило до создания собственного монетного типа, лишённого всяких чуждых элементов. Этого последнего этапа монетное дело Хазарского каганата не достигло, и выпуск ардальхазарских дирхемов 223 г. х. (837—38) г. приходится считать последним. Такое заключение напрашивается в связи со сведениями, переданными арабским историком ал-Балазури (ум. 892) и грузинскими и армянскими средневековыми хрониками. Эти источники сообщают, что в 240 г. х. (854—55) г. триста хазарских семейств, пожелавших принять ислам, принуждены были переселиться для этого в Азербайджан. Изменившееся в Хазарии отношение к исламу в середине IX в., при отсутствии более поздних хазарских монет, приходится признать причиной прекращения хазарского чекана. Находки монетных кладов показывают, что снова, как прежде, в денежном обращении Хазарии стали использоваться дирхемы, направлявшиеся с Востока в Восточную Европу по транзитному пути, пролежавшему через Хазарию.

Существование хазарских монет признано советской и зарубежной наукой. Однако некоторые вопросы остаются еще не выясненными.

Учитывая фантастичность дат на монетах «12 необычных типов» Девицкого клада, трудно назвать точную дату возникновения хазарского чекана. Изучение типологии этих монет и проставленных на них дат позволяет принять, что первые хазарские дирхемы появились не ранее 750-х гг.

Ничего определенного нельзя также сказать о местонахождении монетного двора Хазарского каганата. Местом производства хазарских монет не был, конечно, Саркел, заложенный в 834 г. Возможно, прав был академик В. В. Бартольд, предположив, что монетный двор Хазарии находился в Итиле. Но единственной поддержкой этого мнения остается унаследованное хазарами от арабов обозначение места чеканки монет названием области, под которым обычно понимается ее главный город. Однако раскопки, произведенные на предполагаемом месте Итиля — на берегах Волги около города Еногаевка и села Селитренное, примерно в 120 км от Астрахани, — ничего не обнаружили. Оказалось, что все остатки города на правом берегу Волги были смыты во время перемещения русла реки к западу, а на левом берегу погребены под аллювиальным слоем при повышении ее уровня.

*

Алексей Андреевич Быков (род. 1896 г., скончался 27 января 1977 г.) — один из крупнейших нумизматов-востоковедов, известный как у нас в стране, так и

за рубежом. Ученик академиков В. В. Бартольда, И. Ю. Крачковского и профессора Р. Р. Фасмера, в 1925 г. он опубликовал свою первую научную работу, а за более чем полувековую исследовательскую деятельность им было написано около сорока научных работ. Диапазон научных интересов Алексея Андреевича был исключительно широк — Турция и Китай, Средняя Азия и о. Крит, Грузия и Индия, — вот далеко не полный перечень районов земного шара, монетным делом и денежным обращением которых он интересовался.

Особое место в его научных изысканиях занимала земля Эстонии, которую он называл обычно богатейшей кладовой восточных средневековых монет. В ряде работ Алексей Андреевич в большей или меньшей степени касался изучения кладов восточных монет Эстонии, подчас специально останавливаясь на отдельных редких монетах, давая им подробное описание.* В 1960-х гг. он часто приезжал в Таллин, где определил многие эстонские клады с куфическими монетами. Так, среди его материалов имеется описание восточных монет клада Куусалу, Кохтла—Кява, Паункюла, клада из Тарту и ряда других.

Последние годы своей жизни А. А. Быков почти полностью посвятил изучению одной группы «загадочных» монет, являющихся подражаниями восточным монетам. Следуя своим предшественникам, в первую очередь Р. Р. Фасмеру, он считал возможным увидеть в этой группе монеты хазарского чекана и, используя доступные ему методы исследования — нумизматические, палеографические, исторические и экономические, смог максимально полно аргументировать свою точку зрения. Заметную роль в изучении этой проблемы сыграл Кохтлаский клад 1923 г., описанный В. Андерсоном и Р. Р. Фасмером, в котором встретились монета, давшая возможность Р. Р. Фасмеру поднять вопрос о ее хазарской принадлежности. Монеты Девического клада 1939 г. позволили А. А. Быкову снова обратиться к этому вопросу, заново изучить проблему на более обширном нумизматическом материале и вновь поставить вопрос о монетном чекане хазар.

Предлагаемый очерк является одной из самых последних работ А. А. Быкова, написанный им в 1975 г. в виде доклада к своему 80-летию. Это научно-популярная работа, как бы подводящая итоги многолетним научным изысканиям автора, надо полагать, представит интерес не только для узких специалистов, но будет положительно воспринята историками широкого профиля.

Текст рукописи оставлен без изменений.

* См. его работы: *Находки средневековых индийских монет в восточной Европе. — Эпиграфика Востока*, 1969, [вып.] XIX, с. 73—80; *Куфические монеты ожерелья из Паункюла. — Изв. АН ЭССР. Сер. обществ. наук*, 1961, т. X, № 2, с. 178—181; *Three notes on Islamic coins from hoards in the Soviet Union. — В кн.: Near Eastern numismatics, iconography and history. Studies in honor of G. G. Miels. Beirut*, 1974, с. 203—210.

И. ДОБРОВОЛЬСКИЙ
А. МОЛВЫГИН

*

Artikli autor on 1977. aastal manalasse varisenud kauaaegne Riikliku Ermitaaži numismaatikaosakonna juhataja, ülemaailmselt tuntud idamaa müntide uurija A. Bõkov. Autor oli tihedalt seotud eesti numismaatikaga, tema määratud on mitmed Eesti alal leitud kuufa münte sisaldavad aarded. Oma elu viimastel aastatel tegeles ta kasaaride mündindusega seotud äärmiselt keerukate küsimustega. Käesolevas artiklis jutustab autor kasaaride kaganaadis alates 8. sajandi keskelt vermitud müntide määramisest, mille puhul ajendiks osutus Kohtla aardes leitud uudne dirhemitüüp.

I. DOBROVOLSKI
A. MOLVÖGIN

*

Der Verfasser des Artikels ist der im Jahre 1977 verstorbene langjährige Leiter der Abteilung Numismatik an der Staatlichen Ermitage in Leningrad, ein weltbekannter Erforscher der orientalischen Münzen — A. Bökov. Er stand in enger Verbindung mit der estnischen Numismatik, viele vom Territorium Estlands gefundene kufische Münzen enthaltende Schätze sind von ihm bestimmt worden. In den letzten Jahren seines Lebens beschäftigte sich A. Bökov mit hochkomplizierten Fragen des chasarischen Münzwesens. Im vorliegenden Artikel berichtet der Autor über die Bestimmung der von der Mitte des 8. Jh. an im Chasarischen Chaganat geprägten Münzen, bei der u. a. der im Schatz von Kohtla entdeckte neue Dirhamstypus Anlaß gewesen ist.

I. DOBROWOLSKI

A. MOLVÖGIN

ÜLEVAATEID

ÜLELIIDULISELT AJALOOLISE DEMOGRAAFIA SEMINARILT

Mullu 17.—19. maini toimus Omskis kolmas üleliiduline ajaloolise demograafia seminar. Selle temaatika hõlmas nõukogude ühiskonna ajaloolise demograafia probleeme (I seksioon), migratsiooni ja rahvastiku sotsiaalset struktuuri feodalismi- ja kapitalismiperioodil (II seksioon), rahvastikuloos allikaid ja historiograafiat (III seksioon) ning Siberi rahvaste vahelisi suhteid (IV seksioon). Kuulati ja arutati kokku 62 ettekannet. Seminari toimumise kohta ja osavõtjate geograafilist jagunemist arvestades oli täiesti seaduspärane, et suur osa neist käsitles Siberi probleeme, kuigi sellest johtus ka teatud ühekülgsus ja käsitlus-areali ahtus.

Kui heita tagasipilk ajavahemikule, mis on möödunud esimesest sama ala seminarist (toimus Tallinnas 1974) viimase ni, paistab eelkõige silma uurimistemaatika tunduv avarumine. Kui enne 1974. aastat keskendus uurijate tähelepanu eelkõige rahvaarvu ja rahvastiku etnilise koostise muutumisele, rahvastiku paiknemisele ja uute alade (Siber, Lõuna-Venemaa, Uuralid jt.) asustamisele, siis nüüd on nende kõrvale tõusmas rahvastiku taastootmise, pere struktuuri ning rahva-

hulkade demograafilise käitumise ja suunilusega seotud probleemid. Üha suuremat tähtsust on omandamas ka metoodika, allikakriitika, allikate kasutamine ja seostamine. On ilmunud mitu kaalukat monograafiat ja kogumikku. Uurimistöö peamiseks keskusteks on kujunenud Moskva ja Eesti. Ka Leningradis, Lätis ja Ukrainas on juba mõndagi tehtud, seevastu mujal on töö alles algjärgus.

Omski seminari avanud akadeemik A. Okladnikov ja NLKP Omski oblasti komitee sekretär V. Novoseltsev rõhutasid seminari teaduslikku, praktilist ja poliitilist (sealhulgas välispoliitilist) tähtsust. Et 1982. aastal tähistatakse Siberi Venemaaga liitmise 400. aastapäeva, siis võib seminari pidada selle tähtpäeva eelürituseks.

Plenaaristungil kuulati ära kolm ettekannet. A. Okladnikov ja V. Boiko (Novosibirsk) käsitlesid migratsiooni-protsesside periodiseerimist Põhja-Aasias. L. Beskrovnõi, J. Vodarski ja V. Kabuzani (Moskva) ettekandest «Rahvastiku migratsioon Venemaal 17. sajandist 20. sajandi alguseni» selgus, et selle aja jooksul asus miljoneid inimesi Kesk-Venemaalt ja Paremkalda-Ukrainast